

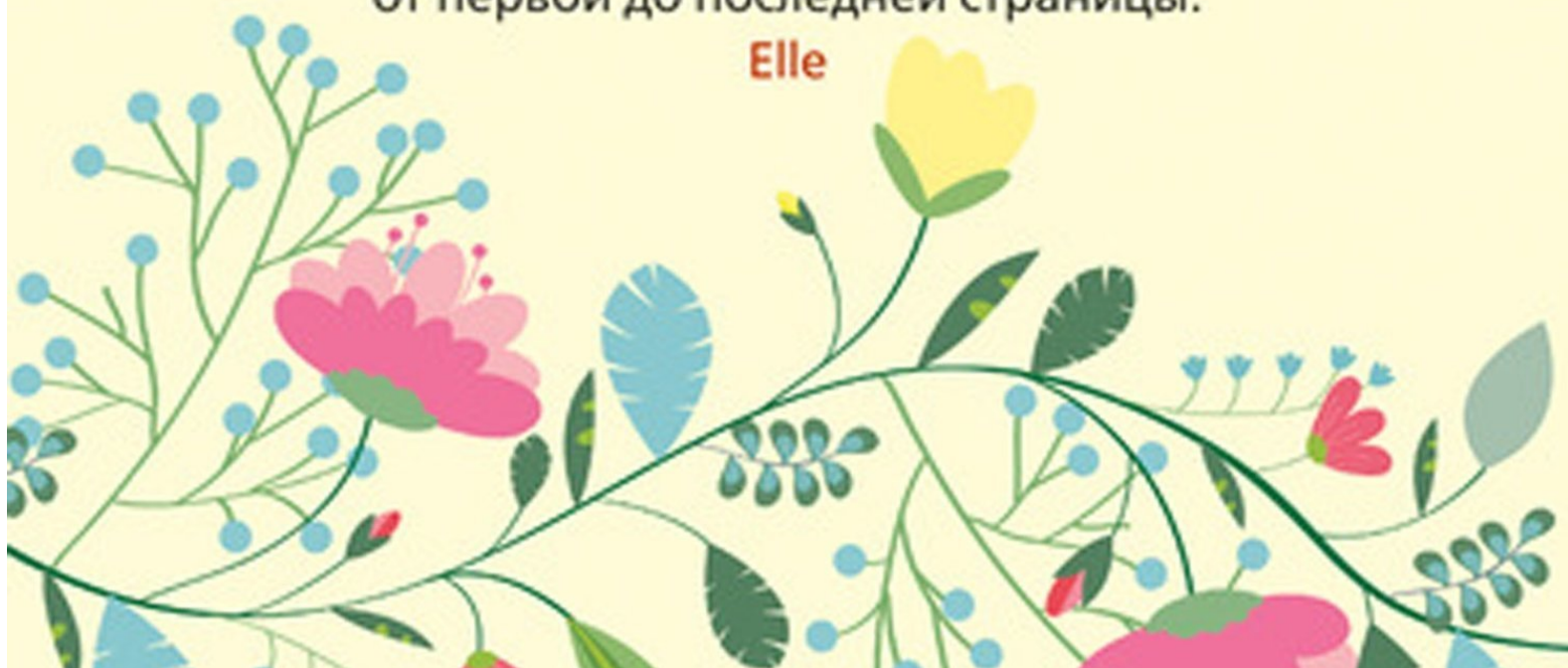

Впервые на русском!

Николя Барро
ЛЮБОВНЫЕ
ПИСЬМА
С МОНМАРТРА

Сердце разрывается!.. трогательно и волшебно
от первой до последней страницы.

Elle

Николя Барро
Любовные письма с Монмартра

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Барро Н.

Любовные письма с Монмартра / Н. Барро — «Азбука-Аттикус»,
2018

ISBN 978-5-389-18359-9

Еще недавно молодой писатель Жюльен Азуле мог назвать себя счастливым человеком. Все изменилось после смерти его жены Элен: когда-то открытый и общительный, Жюльен замкнулся в себе. Ни маленький сын, ни друзья, ни издатель не могут снова пробудить в нем интерес к жизни. И только письма к по-прежнему горячо любимой жене, которые Жюльен носит на кладбище, дают ему возможность излить свою печаль. Но однажды письма исчезают, а вместо них Жюльен обнаруживает каменное сердечко. Это знак свыше или чья-то злая шутка? Чтобы узнать ответ на этот вопрос, Жюльену нужно начать новую главу своей жизни и открыть сердце для новой любви. Впервые на русском языке.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-18359-9

© Барро Н., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николя Барро

Любовные письма с Монмартра

© И. П. Стреблова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

*Моей матушке,
которая показала мне могилу Генриха Гейне
и многое другое, чего я никогда не забуду.
Спасибо за все*

*Милая,
Ах, приди,
Чтобы со мною быть,
Как в те майские дни.*

Пролог

На знаменитом холме Монмартр в центре Парижа, где на площади Тертр вокруг уличных художников, выставяющих свои сомнительного достоинства творения, толпятся туристы, где весной по оживленным улочкам гуляют, взявшись за руки, влюбленные, а устав, присаживаются на ступеньках базилики Сакре-Кёр отдохнуть и полюбоваться раскинувшимся перед ними городом, пока он, розовея в последних лучах заката, не погрузится в ночную тьму, – так вот, на этом холме есть еще и свое кладбище. Это кладбище очень старинное, с многочисленными дорожками и широкими тенистыми аллеями, укрытыми развесистыми кленами и липами, и у каждой дорожки, как у настоящих городских улиц, имеется свое название и нумерация. В этом маленьком городке очень тихо. Среди тех, кто здесь похоронен, есть и знаменитости, а есть и совсем неизвестные. Есть могилы с великолепными надгробиями и статуями ангелов, облаченных в длинные каменные одеяния, они стоят, простирая руки и устремив взор к небесам.

На кладбище входит темноволосый мужчина. Он ведет за ручку маленького мальчика и останавливается у ничем не знаменитой могилы. Тот, кто в ней похоронен, ничем не прославился. Это не писатель, не музыкант или художник. И даже не дама с камелиями. Просто человек, которого очень любили.

Однако ангел на бронзовой плите, помещенной на мраморный постамент, – один из самых красивых на кладбище. Женская фигурка, обернувшаяся назад с серьезным, может быть, даже философским выражением на лице; длинные волосы взвились, точно подхваченные дующим в спину ветром. Мужчина неподвижно стоит перед ангелом, в то время как дитя резво бежит среди могил, пустившись вдогонку за парой ярких крылышек.

– Смотри, папа! – крикнул ребенок. – Бабочка! Ну до чего же красивая, правда?

Мужчина едва заметно кивает. Красоты для него больше не существует на свете, а в чудеса он давным-давно перестал верить. Откуда же ему догадаться, что вот здесь – именно здесь – произойдет нечто такое, что поневоле поверишь в чудо. В настоящий момент он еще считает себя самым несчастным человеком на свете.

На кладбище Монмартра он познакомился со своей женой. Пять лет назад, у могилы Генриха Гейне. Был светлый майский день, и он был началом истории, которая недавно безвозвратно закончилась.

Мужчина бросил последний взгляд на родные черты бронзового ангела. Он тайно пишет письма. Но скоро произойдет то, что окажется для него таким же неожиданным, каким часто бывает счастье или любовь. А между тем счастье и любовь всегда рядом и никуда не исчезли. Ему, писателю, следовало бы это знать.

Мужчину зовут Жюльен Азуле.

И Жюльен Азуле – это я сам.

Глава 1

Мир без тебя

Только я сел за стол, чтобы наконец-то выполнить данное обещание и написать письмо Элен, как вдруг в дверь позвонили. Я решил не отзываться, неторопливо отвинтил колпачок вечной ручки и положил перед собой лист белой бумаги. Написал: «Дорогая Элен» – и с каким-то чувством беспомощности застыл над строчкой из двух слов, которые смотрели на меня так же потерянно, как я ощущал себя все последние недели и месяцы.

Что прикажете написать человеку, которого ты любил больше всех на свете и которого по воле рока больше нет? Еще тогда у меня было предчувствие, что я совершаю безумный поступок, давая ей это обещание. Но Элен настояла. А если уж моя жена что-то взяла себе в голову, ее было не переспорить. В конце концов, она всегда умела настоять на своем. Элен была таким волевым человеком. Только в споре со смертью ей пришлось уступить. У смерти воля оказалась еще сильнее.

Звонок повторился. Но я уже унесся в мыслях далеко отсюда.

Я горько усмехнулся. Передо мной, как наяву, возникло ее осунувшееся лицо с зелеными глазами, которые день ото дня становились как будто все больше и больше.

– Я хочу, чтобы ты после моей смерти написал мне тридцать три письма, – сказала она, устремив на меня настойчивый взгляд. – По одному письму за каждый прожитый мною год. Обещай мне это, Жюльен!

– И для чего это, по-твоему, нужно? – возразил я. – Тебя это все равно не оживит.

В то время я не помнил себя от страха и горя. Я день и ночь сидел у кровати Элен, сжимал ее руку в своей, не в силах представить свою жизнь без нее.

– Зачем мне писать письма, зная, что никогда не дождусь ответа? Это же не имеет никакого смысла, – повторял я тихо.

Она сделала вид, что не слышит моего возражения:

– Просто пиши мне. Пиши, что делается в мире без меня. Пиши о себе и об Артюре. – Она улыбнулась, и у меня к глазам подступили слезы. – В этом будет смысл, поверь мне. И я уверена, что в конце концов ты получишь ответ. А я, где бы там ни оказалась, прочту твои письма и уж как-нибудь буду за вами приглядывать.

Я помотал головой и произнес сквозь рыдания:

– Я не смогу, Элен, меня просто на это не хватит!

Сказав так, я, конечно, имел в виду не только эти тридцать три письма, а все вместе. Как я буду жить без нее! Без Элен!

Она ласково взглянула на меня, и жалость, которую я увидел в ее глазах, чуть не разорвала мне сердце.

– Бедный мой муженек, – сказала она, ободряюще пожимая мне руку, и я почувствовал, какого усилия ей стоило это движение. – Крепись, тебе придется быть сильным. Теперь на тебя ляжет вся забота об Артюре. Ты так ему нужен. – А затем повторила то, что уже не раз говорила с тех пор, как на нас обрушился грозный диагноз (вероятно, в отличие от меня, эти мысли ее успокаивали):

– Мы ведь все когда-нибудь умрем, Жюльен. Это совершенно нормально, так уж все устроено на свете. Что поделаешь, если мой черед наступил несколько раньше. Если честно сказать, меня это не особенно радует, но так уж случилось. – Она бессильно пожала плечами. – А сейчас поцелуй меня!

Я отвел с ее лба медно-рыжую прядь и нежно поцеловал в губы. В последние месяцы своей жизни, неожиданно оказавшейся такой короткой, она сделалась такой хрупкой, что,

бережно обнимая ее, я испытывал страх, как бы чего не повредить, хотя на самом деле все в ней уже было разрушено, и только ее дух оставался несломленным – духом она была сильнее меня.

– Обещай мне это, – повторила она, и я увидел, как что-то блеснуло в ее глазах. – Держу пари, что, когда ты напишешь последнее письмо, твоя жизнь уже повернется к лучшему.

– Боюсь, ты проиграешь это пари.

– А я верю, что нет, не проиграю. – По ее лицу пробежала вещая улыбка, веки затрепетали. – И тогда ты принесешь мне огромный букет роз – самый большой из всех, какие найдутся на кладбище – чтоб ему пусто было!

Такой вот была Элен. Даже в самые ужасные минуты она была способна заставить меня улыбнуться. Одновременно плача и смеясь, я взял ее протянутую исхудалую руку и дал слово исполнить просьбу.

Слово писателя. В конце концов, она же не говорила, когда именно я должен написать ей эти письма. И вот наступил октябрь, его сменил ноябрь, а там и декабрь. Грустные месяцы проходили один за другим, сменялись времена года, а для меня все они были одинаковыми. Солнце скатилось с небосвода, и я остался жить в крошечно-черной яме, где исчезли все слова. Наступил март, а я все еще не написал ни одного письма. Ни единого.

Не то чтобы я не пытался. Я хотел исполнить обещание, последнюю волю Элен. Корзина для бумаг у меня была доверху набита скомканными листами с незаконченными предложениями. Например, такими:

*Моя горячо любимая Элен, с тех пор как тебя нет со мной, я не нахожу...
Дорогая, я так устал от всех этих мучений, что часто спрашиваю себя,
стоит ли жить для того...*

*Любимая, вчера я нашел стеклянный снежный шар из Венеции. Он
лежал в твоей тумбочке, в самой глубине ящика, и я невольно вспомнил, как
мы с тобой...*

*Любимый мой человек, самый лучший на свете! Я тоскую по тебе
каждый день, каждый час, каждую минуту, знаешь ли ты...*

*Дорогая Элен! Вчера Артур сказал, что ему плохо с таким грустным
папой, а у тебя ведь там, где живут ангелы, все хорошо...*

*Элен! Mayday! Mayday!¹ Это крик погибающего. Вернись ко мне! Я
больше не могу.*

*Ангел мой! Сегодня я видел тебя во сне и, проснувшись утром, очень
удивился, что тебя рядом нет...*

*Любимая моя, ненаглядная! Не подумай, пожалуйста, что я забыл про
свое обещание, но я...*

Но ничего, кроме этого бессвязного лепета, я так и не сумел изложить на бумаге. Я сидел настолько подавленный навалившимся на меня горем, что не находил нужных слов. За все это время я вообще ничего не написал – для писателя в этом нет ничего хорошего, – не по этой ли причине входной звонок заливается как на пожар?

Вздохнув, я снова положил ручку на стол, встал и подошел к окну. Внизу, на улице Жакоб, стоял элегантный, невысокого роста мужчина в темно-синем дождевике, явно решивший не отнимать пальца от кнопки и звонить до победного. Этого я давно опасался.

Мужчина задрал голову к сырým весенним небесам, по которым неслись подгоняемые ветром облака. Я отпрянул от окна.

Это был Жан-Пьер Фавр, мой издатель.

¹ Международный сигнал бедствия, используется в радиотелефонной связи. «Мэйдэй» представляет собой искаженной французское «m'aidez» – «помогите». (Здесь и далее примечания переводчика.)

Сколько себя помню, меня всегда притягивал мир изящной словесности. Сначала я работал журналистом, затем писал сценарии. А затем наконец опубликовал свой первый роман. Комедийную романтическую историю, которая, по-видимому, чем-то зацепила читателей и неожиданно-негаданно вдруг оказалась бестселлером. Париж называют городом любви, однако издатели в поисках нового материала не всегда обращают внимание на эту тему. Мне тогда приходил отказ за отказом, а то и вовсе я не получал никакого ответа, но однажды ко мне обратилось маленькое издательство, офис которого был расположен на улице Сены. Жан-Пьер Фавр, директор издательства «Гарамон», пока его коллеги искали литературные шедевры высокоинтеллектуального направления, заинтересовался моей книжицей, полной неожиданных трагикомичных поворотов, отдающей дань романтизму.

– Мне уже шестьдесят три года, и с возрастом меня все сложнее рассмешить, – сказал Жан-Пьер Фавр при нашей первой встрече в «Café de Flore». – А ваша книга, месье Азуле, заставила меня рассмеяться, и это что-то значит в сравнении с большинством нынешних книг. Чем старше мы становимся, тем реже смеемся, можете мне поверить.

С невольным вздохом он откинулся на спинку кожаного диванчика возле окна в зале второго этажа, где для нас нашелся свободный столик. Он развел руками, изобразив комическое отчаяние, и продолжил:

– И вот я спрашиваю себя: куда только подевались все писатели, которые умели писать настоящие комедии с душой и фантазией? Нет, все, видите ли, сговорились описывать настроения безнадежности, гибели, сочинять великие драмы. Все драма, драма и драма! – Он несколько раз хлопнул себя по лбу, обрамленному аккуратно причесанными, уже редееющими сединами. – Депрессивные настроения обитателей больших городов, няньки-убийцы, ужас, внушаемый «Аль-Каидой», и тому подобное. – Он смахнул со стола несколько крошек. – Все это имеет право на существование, и все же... – Наклонившись ко мне через стол, он пристально посмотрел на меня своими светлыми глазами. – Но вот что я вам скажу, молодой человек. Написать хорошую комедию на самом деле гораздо труднее, чем кажется на первый взгляд. Насочинять что-нибудь такое, где нет нагромождения банальностей, и оставить у читателей ощущение, что жить на свете все-таки стоит, – вот в чем заключается настоящее искусство! По крайней мере, я сам уже слишком стар для таких историй, после которых самое лучшее – это отправиться на ближайшую высотку и кинуться с нее вниз головой.

Торопливым движением он разорвал пакетик с сахаром, высыпал его в свой свежесжатый апельсиновый сок и нетерпеливо размешал содержимое бокала.

– Или, к примеру, кино! Возьмем кино!

Он выдержал театральную паузу, а я с нетерпением ждал, что будет дальше. Как я успел убедиться, этот человек блестяще владел искусством риторики.

– Сплошная «Tristesse» и дурацкие амбиции: главное, к чему сейчас каждый стремится, – это представить себя уникальной личностью. А мне-то, понимаете ли, хочется посмеяться. Мне хочется чего-то такого, что затронуло бы мое сердце. – Он приложил ладонь к видневшемуся из-под пиджака небесно-голубому жилету и сделал большой глоток из бокала с соком; внезапно его лицо расплылось в мальчишеской улыбке. – Вы видели тот японский фильм про мясника, который влюбился в своего поросенка, где они под конец совершают вместе самоубийство путем харакири? Я о том, что ведь надо же было такое выдумать! – Он покачал головой. – Люди посходили с ума. Я с тоской вспоминаю таких деятелей кино, как Билли Уайлдер² и Питер Богданович³. – Чтобы подчеркнуть сказанное, он несколько раз прищелкнул языком. – Остается только надеяться, что Вуди Аллен еще некоторое время продержится. «Полночь в

² Американский режиссер и сценарист (1905–2002), создавший за полвека более шестидесяти фильмов, в том числе «Сабрина», «Зуд седьмого года», «В джазе только девушки».

³ Американский режиссер, сценарист и кинокритик (р. 1939).

Париже» у него был замечательный фильм, не так ли? Это же зачаровывало зрителя, развлекало, давая пищу для ума, заставляло улыбнуться. Мы с женой выходили после сеанса окрыленные!

Я согласно кивнул, хотя фильма этого не видел.

– Поверьте мне, месье Азуле, жизнь и без того штука невеселая, а потому нам нужно побольше таких книг вроде вашего романа, – закончил он свою пламенную речь и протянул мне для подписи свою фирменную ручку «Монблан». – Я верю в вас.

С тех пор прошло уже шесть лет. Мой роман стал бестселлером, а издательство «Гармон» подписало со мной договор на три следующих романа, что обеспечило мне надежную финансовую базу на три года вперед, я получил возможность целиком посвятить себя писательству. Я познакомился с рыжеволосой Элен, которая любила стихи Генриха Гейне и, стоя под душем, распевала песни Саша Дистеля⁴. Она стала учительницей, забеременела, вышла за меня замуж, у нас родился ребенок – мальчик, которому, как любила подчеркивать Элен, повезло унаследовать мои темно-русые волосы, а не ее рыжие патлы.

Жизнь была светла, как солнечный летний день, и нас во всем, казалось бы, сопровождала удача.

Пока вдруг не обрушилась беда.

– Кровь откуда не следует, – сказала однажды утром Элен, выйдя из ванной. – Ну ничего! Авось ничего серьезного.

Но оказалось, что все как раз серьезно. Да так серьезно, что хуже не бывает. До сих пор я зарабатывал тем, что писал пользующиеся популярностью веселые романтические истории. А тут вдруг мой лексикон пополнился такими пугающими словами, как «колоректальная карцинома», «опухолевые маркеры», «цисплатин», «метастазы», «капельница морфия», «хоспис».

Тут я сполна узнал, что жизнь – это не веселое развлечение, хотя Элен и держалась молодцом, а прогнозы поначалу звучали очень оптимистично. Год спустя болезнь, казалось, окончательно отступила. Было лето, мы поехали с Артюром на море, в Бретань. К жизни мы теперь относились как к бесценному дару. Мы ведь чудом спаслись.

И тут Элен начала жаловаться на боли в спине.

– Я понемногу превращаюсь в старушку, – шутила она, кутаясь на пляже в яркое парео.

В это время метастазы разошлись у нее уже по всему телу, впились в него своими клешнями, и изгнать их было невозможно никакими силами. К середине октября все было кончено. Метастазы распались, а вместе с ними и Элен, моя жизнерадостная жена, веселая хохотунья, всегда такая оптимистка, а с ней умерли все наши общие мечты.

Я остался один с маленьким сыном на руках и с тяжким грузом на душе, с невыполненным обещанием и тающим на глазах банковским счетом. Был уже март, а я уже год как не написал ни строчки, и сейчас у меня под дверью стоял мой издатель, преисполненный желанием узнать, каковы мои дальнейшие планы.

Он прекратил звонить.

Месье Фавр был благородный человек. Все это время он проявлял большое понимание. До сих пор он ни разу не попытался нажать на меня. Он терпеливо ждал, давая мне время оправиться от пережитого, прийти в себя и, как говорится, взять себя в руки. Он ни словом не упомянул о романе, выпуск которого был запланирован к началу осеннего сезона, а затем, ни словом не упрекнув, отодвинул на весенний квартал.

И только две недели назад он впервые попытался связаться со мной. Как видно, поблажки закончились, да и сколько можно со мной носиться! Сначала осторожные вопросы по автоответчику, который у меня работал круглосуточно. Сочувственное письмо с вопросом в конце. Его номер то и дело высвечивался у меня в телефоне.

⁴ Французский певец и композитор (1933–2004).

Я же отвечал гробовым молчанием, потому что и вправду был ни жив ни мертв. Творческая жилка во мне умерла. Ирония обратилась в цинизм. Я жил как во сне и не желал ни с кем общаться. Да и что я мог бы ему сказать? Что никогда больше не смогу написать ничего стоящего? Что утратил дар слова? Глубоко несчастный человек, подписавший долгосрочный договор на создание веселых романов, – ирония судьбы, да и только!

И кто же это придумал сыграть со мной такую злую шутку, чтобы окончательно меня погубить!

– Драма, драма, драма, – пробормотал я с горькой улыбкой и снова выглянул в окно.

Месье Фавр куда-то исчез, и я облегченно вздохнул. Очевидно, он понял, что бесполезно пытаться.

Я закурил сигарету и посмотрел на часы. Еще три часа, и надо будет идти в детский сад за Артюром. Только ради Артюра я еще как-то существовал. Ради него я вставал, одевался, шел в супермаркет за едой. Разговаривал.

Малыш настойчиво меня теребил. Настойчивость он унаследовал от матери. Он тянул меня ручонками в свою комнату, чтобы показать мне, какую пирамиду он собрал из конструктора лего, ночью приползал ко мне в кровать и доверчиво прижимался всем тельцем, втягивал меня в разговоры, задавал тысячи вопросов, строил планы: «Я хочу в зоопарк посмотреть на жирафов», или «Ой, папа, какой ты колючий!», или «Ты обещал, что считаешь мне вслух», или «А мама теперь легче воздуха?»

Я погасил сигарету и снова вернулся за письменный стол. Я слишком много курю. Слишком много пью. И питаюсь желудочными таблетками. Я вытащил из пачки новую сигарету, с обертки на меня смотрел отвратительный снимок легкого курильщика. Подумаешь! Когда-нибудь и мне придет конец, но прежде я, по крайней мере, напишу это письмо – первое из тридцати трех обещанных, которые казались мне такими же лишними, как зуб на шее. Письма к умершей женщине. Я провел руками по волосам. «Ах, Элен, почему? Почему?» – пробормотал я, уставясь на фотографию в рамочке, стоявшую на кожаном покрытии письменного стола.

Динь-дон – раздался квартирный звонок, я вздрогнул от неожиданности. С перепуга дернул цепочку старомодной зеленой настольной лампы и погасил включенный еще ранним утром, а сейчас бесполезный электрический свет. Кто бы это еще мог быть? Через секунду кто-то заколотил в дверь кулаком:

– Азуле! Азуле! Откройте! Я знаю, что вы дома.

Ну да, я сидел дома в моем добровольном заточении на четвертом этаже. Мне вдруг вспомнилось, как несколько лет назад мы с Элен впервые зашли сюда в сопровождении маклерши и очутились среди голых стен старинной квартиры. Из полученного гонорара мы смогли заплатить тогда первый взнос. Маклерша говорила, что о такой квартире можно только мечтать: солнечная, расположенная на тихой улице в двух шагах от бульвара Сен-Жермен. «Однако без лифта, – заметила ей Элен. – И когда постареет, нам придется изрядно попытеть, карабкаясь вверх по лестнице». Мы все посмеялись: старость казалась тогда еще так далеко.

Даже странно, о чем только иногда не задумывается человек, а в действительности все оказывается не так, как ты предполагал.

Значит, Жан-Пьеру Фавру каким-то образом все же удалось проникнуть внутрь дома и с легкостью преодолеть все лестничные пролеты.

Вероятно, позвонил в какую-нибудь из соседских квартир. Только бы не к Катрин Баллан, у которой на всякий случай хранился запасной ключ от нашей квартиры. Катрин была любимой подругой моей жены. Она жила в квартире под нами, одна с кошкой Зази, и старалась помочь мне, как могла. За пять дней до смерти Элен она все еще верила, что та поправится. Иногда Катрин присматривала за Артюром, и они часами играли в карточную игру под названием «Уно», хотя в чем ее смысл, я так и не разобрался. Катрин была безмерно добра, но и сама слишком сильно горевала по Элен, чтобы утешить меня в моей утрате. И хуже того: иногда ее

вздохи «Ах, Жюльен!» и печально-выразительный, как у Жюли Дельпи, взгляд довели меня до того, что я просто не мог уже этого вынести.

Не хватало только, чтобы я расплакался ей в жилетку, нет уж, благодарю покорно!

– Азуле, Азуле! Перестаньте же, наконец, ребячиться! Я только что видел вас в окне. Откройте дверь! Это я, Жан-Пьер Фавр, ваш издатель. Вы еще помните? Сколько можно держать меня тут на лестнице! Я только хочу с вами поговорить. Откройте же!

Стук в дверь повторился.

Я притаился за столом, как мышь. Удивительно, с какой силой может стучать этот маленький человечек с идеально ухоженными руками!

– Не можете же вы вечно прятаться в своей норе! – снова прозвучал голос за дверью.

«Еще как могу», – возразил я мысленно.

Подкравшись на цыпочках к двери, я прислушался, в надежде, что сейчас на лестнице раздадутся его удаляющиеся шаги, но оттуда не слышно было ни звука. Наверное, мы оба стояли под дверью: он – снаружи, я – внутри, и напряженно прислушивались, затаив дыхание.

Затем послышался шорох отрываемой из блокнота страницы. Через несколько секунд под дверь был просунут листок.

«Азуле! С Вами там все в порядке? Пожалуйста, ответьте мне хотя бы, что у Вас все хорошо. Вы можете мне не открывать, но я не уйду, пока Вы не подадите хоть какой-то знак, что Вы живы. Я беспокоюсь за Вас».

Очевидно, он уже представлял себе, что я стою на стуле, засунув голову в петлю, как страдающий депрессией герой одного из его любимых фильмов – «Хлеб и тюльпаны».

Невольно улыбнувшись, я крадучись вернулся за письменный стол.

«Все в порядке», – написал я печатными буквами и просунул листок в дверную щель.

«Почему же тогда Вы не открываете?»

Подумав секунду, я ответил: «Не могу».

Тут же пришел обратный ответ: «Что значит – не можете? Вы не одеты? Или пьяны? Или Вы в обществе дамы?»

Я схватился рукой за рот, плотно сжал губы и помотал головой. В обществе дамы! Только Фавр способен употребить такое старомодное выражение.

«Нет никакого дамского общества. Сижусь пишу».

Я опять переправил ему записку через щель под дверью и стал ждать.

«Я рад это слышать, Азуле. Хорошо, что Вы опять начали писать. Это Вас отвлечет, вот увидите. В таком случае не буду мешать. Пишите, мой друг! И дайте о себе знать. До скорого!»

«Да. До скорого! Я позвоню», – написал я в ответ.

Жан-Пьер Фавр в нерешительности постоял еще немного под дверью, затем я услышал его шаги по лестнице. Я поспешил к окну и увидел, как он вышел из дома, поднял воротник плаща и энергично засеменил по улице Жакоб в сторону бульвара Сен-Жермен.

Тогда я сел за письменный стол и принялся писать.

Дорогая Элен!

Тебе бы похороны понравились. Это звучит так, как будто они были вчера, но для меня так оно и есть, хотя вот уже шесть месяцев, как тебя не стало. С того сияющего золотом октябрьского дня, который выдался таким неподходящим для похорон, но зато пришелся под стать твоей лучезарной натуре, время остановилось. Надеюсь, ты не обижаешься на меня за то, что я только сейчас собрался тебе написать. Первое из тридцати трех бесполезных писем. Нет, прости! Я не хочу быть циничным. Ты так этого хотела, я дал тебе честное слово и сдержу это последнее обещание. Уверен,

ты неспроста так задумала. Хотя я пока не понимаю, что именно ты имела в виду.

С тех пор как тебя нет, все потеряло смысл.

Но я пытаюсь. Я честно стараюсь. Ты сказала тогда, что прочтешь мои письма откуда угодно, где бы ни оказалась. Мне так хочется в это верить. Что мои слова как-нибудь долетят до тебя.

Скоро уже весна, Элен. Но какая же весна без тебя! За окном несутся облака, идет дождь, нет-нет да проглянет солнце. В этом году мы не будем гулять с тобой в Люксембургском саду и, подхватив с двух сторон Артюра, дружно поднимать его – на «раз, два, три – эх! Полетели!».

Боюсь, я не слишком успешно справляюсь с ролью отца-одиночки. Артюр уже жалуется, что я совсем перестал смеяться. Недавно мы вместе смотрели старый диснеевский фильм «Робин Гуд». Ну, знаешь, тот, где Робин – это лисенок. И вот, когда дело дошло до сцены, в которой Робин Гуд и его шайка по канату утаскивают у злого короля Джона мешки с деньгами, пока тот храпит в постели, Артюр вдруг сказал: «Папа, тут надо смеяться! Смотри, как тут весело!» И я тогда скривил рот и сделал вид, как будто смеюсь.

Ах, Элен! Я же все время делаю все «как будто». Изображаю, как будто смотрю телевизор, изображаю, как будто читаю, как будто пишу, говорю по телефону, хожу в магазин, ем, гуляю, слушаю. Изображаю, как будто живу.

Все дается очень трудно, трудно жить. Поверь, я очень стараюсь. Пытаюсь быть сильным, как ты сказала, и как-то справляться без тебя.

Но в мире без тебя стало так одиноко, Элен. Без тебя я такой потерянный. У меня такое чувство, будто, за что я ни возьмусь, у меня все валится из рук.

Но тебе бы похороны понравились. Все говорили, что похороны были прекрасные. Это, конечно, оксюморон: само выражение «прекрасные похороны» содержит в себе противоречие, и все же... Я все сделал, как ты пожелала. Этим я имею право гордиться.

На кладбище Монмартра я нашел прекрасное местечко, прямо возле старого капитана. И даже могила Генриха Гейне поблизости от твоей – ты бы одобрила. И я заранее всех предупредил, как ты хотела, чтобы не приходили в черном. В тот октябрьский день, вскоре после твоего тридцать третьего дня рождения, до которого ты еще успела дожить, все было, кажется, идеально. Но если бы только этот день не был прощанием с тобой. Светило солнце, листва горела золотом и багрянцем, вокруг царил покой, почти что безмятежный, и за твоим гробом, усыпанным цветами, тянулась длинная процессия пестро одетых людей, словно идущих на праздник. Я спрашивал себя: может ли красочное одновременно быть печальным? Оказывается, может.

Собрались все. Твой отец, мой брат и твои тетушки и кузины из Бургундии. Моя мать и ее сестра Кароль, которая привела даже своего впавшего в беспамятство мужа Поля, и он то и дело спрашивал: «А кого хоронят-то?» И тотчас же забывал услышанное. Пришли все наши друзья. Даже твоя подруга детства Анни приехала из Онфлёра и, запыхавшаяся, прибежала на кладбище, когда торжественная церемония в часовне уже закончилась и все собрались вокруг могилы. Она опоздала из-за того, что под поезд бросился какой-то дурень-самоубийца. Ей все же как-то удалось

поймать таксиста, который на бешеной скорости домчал Анни до Парижа. Ее венок из роз и лилий был весь потрепанный, но она все же успела, верная душа.

Пришло много твоих сослуживцев, школьники из твоего класса. Директор сказал в часовне несколько добрых слов, священник тоже провел все как следует. Школьный хор очень трогательно исполнил «Аве Мария». Катрин произнесла в твою честь чудесную речь, которая никого не оставила равнодушным. Она держалась совершенно спокойно и сдержанно, и это вызвало у меня большое уважение. После она призналась мне, что принимала успокоительное. Сам я был не в состоянии выступить с речью, так что я даже не пытался, – думаю, ты меня поймешь. Но я поставил в часовне твой большой портрет – фотографию, на которой ты стоишь, скрестив руки, на фоне большого поля лаванды и беспечно хохочешь, глядя в объектив. Первый отпуск, который мы провели вместе в Провансе, ты помнишь? Ты на ней такая счастливая! Эта фотография всегда была у меня одной из самых любимых, хотя ты ее критиковала. За то, что щуриться на ней от солнца.

И я выбрал для тебя песню, которая прозвучала, когда мы собрались у могилы: «*Tu es le soleil de ta vie*»⁵. Ведь такой ты и была для меня всегда, моя любимая: ты озаряла мою жизнь солнечным светом.

Артур ужасно плакал, когда твой гроб опускали в землю. Он так и прижался ко мне, потом к татіе⁶. Наверное, для всех нас это было ужасно. Смотреть, как ты скрываешься в этой глубокой яме, на веки вечные, безвозвратно. Александр был для меня опорой, он все время стоял рядом, как несокрушимая скала в волнах прибой, сжимаемая мое плечо. «Поверь мне, это самый тяжелый момент, – сказал он. – Хуже уже не будет».

Мне вспомнились слова Филиппа Клоделя, он где-то сказал, что под конец мы все провожаем гробы.

Я стоял точно окаменевший, видел перед собой цветы и венки с последним приветом, моего сынишку в слезах, у которого больше не было матери, а потом я вообще перестал видеть, потому что ослеп от слез, застилавших глаза. Потом, когда мы уже были в ресторане, стало как-то полегче. Все оживленно беседовали друг с другом, с аппетитом набросились на еду, все с облегчением вздохнули оттого, что это закончилось, всех собравшихся объединило сердечное и сочувственное настроение, какое иногда возникает на веселом празднестве, которое свело вместе самых разных людей. Даже я с кем-то беседовал и немного поел, потому что внезапно почувствовал страшный голод. Артур подбегал то к тому, то к другому из присутствующих и рассказывал, будто сейчас ты со всеми своими чемоданами прибыла на небо, потому что хочешь там быть красивой. И будто бы ты наверняка радуешься встрече с твоей татап. (Насчет последнего я не так уж уверен, зная сложный характер твоей матушки. Надеюсь все же, что на небе вы больше не станете ссориться, как раньше. Говорят ведь, что там царит мир и согласие).

Артур, во всяком случае, представляет себе дело так, будто ты, словно по волшебству, покинула свой гроб и теперь витаешь в заоблачной вышине. Он твердо уверен, что тебе там хорошо, раз ты сделалась ангелом и каждый

⁵ «Ты – солнце моей жизни» (фр.). Автор песни – Саша Дистель.

⁶ Бабушка (фр.).

день лакомишься вишневыми *clafoutis* – своими любимыми горячими пирогами. На днях я приготовил ему *spagetti* с его любимым соусом из томатной приправы со сметаной, разогретой в кастрюльке (это даже мне по силам приготовить), и Артюр вдруг рассказал, что ты, оказывается, предупредила его о своем долге, долге последнем путешествии. Он знает, что оттуда, куда ты отправилась, к сожалению, нельзя позвонить по телефону, даже по мобильному, потому что там плохо работает связь. «Но ты не горюй, папа, – сказал он мне, – в конце концов мы все там встретимся, а до тех пор мама будет навещать нас во сне, она сама сказала. Я очень часто вижу ее во сне, – горячо убеждал он меня, так что я уже не мог понять, не привирает ли он, чтобы меня утешить. – Она стала совсем как ангел, и у нее теперь длинные-длинные волосы».

Вчера он интересовался, есть ли у тебя теперь крылья и правда ли тебе все-все видно с небес. Кажется, он, почистив на ночь зубы, съел потом шоколадку и поэтому беспокоился.

Жаль, что я не умею, как Артюр, принять твою смерть, Элен. Иногда и он грустит и скучает по своей татап, но он гораздо быстрее свыкся с мыслью, что здесь, на земле, тебя больше нет. Он часто спрашивает меня, что на то или на другое сказала бы мама, и я тоже себя спрашиваю. У меня столько вопросов, любимая моя, на которые я не знаю ответа! Где ты сейчас?

Мне без тебя плохо, плохо!

Вот я поставил тут восклицательный знак, а надо бы не один, а тысячу.

В своем горе я готов довольствоваться малым. Я был бы рад, если бы тебя отпускали ко мне из твоей горней обители хоть раз в месяц, чтобы ты провела со мной тут часок-другой. Ведь правда же это было бы чудесно?

Вместо этого я наконец пишу тебе письмо. Хоть так, на худой конец.

Хорошо, что татие живет так близко и может заботиться об Артюре. Она действительно очень ему помогает. Она тоже по тебе скучает. Она приняла тебя с первой же встречи, когда я привел тебя к нам, ты помнишь? Она полная противоположность злобной свекрови. И, как всякая добрая бабушка, обожает своего внука. Он вьет из нее веревки. Слушая его детскую болтовню, она ни в чем не может ему отказать. Глядя на это, поневоле начнешь завидовать! Что-то не припомню, чтобы со мной она была так же терпелива и добра. Когда потеплеет, они поедут в Онфлёр на море. Мальшиу полезно отдохнуть немного от моей унылой физиономии.

Сегодня утром под дверью вдруг объявился Фавер. Он, кстати, тоже был на похоронах, пришел со своей женой Матильдой – она производит впечатление очень приятной, доброй женщины. Он, конечно, интересуется, как обстоят дела с новым романом. Ох, я даже не знаю, смогу ли когда-нибудь дописать его до конца. На это ты, наверное, сказала бы, что я должен взять себя в руки, но мне просто нужно еще время. Время дает – время отнимает. Время лечит все раны. Редко когда встретишь поговорку глупее. Во всяком случае, моя рана до сих пор не зажила.

Могу только надеяться, что у тебя, мой ангел, дела обстоят лучше! Кстати, тебе, наверное, приятно будет узнать, что я заказал мраморное надгробие с бронзовой пластинкой, изображающей голову ангела. Александр, наш суперэстет, назвал мне фамилию каменотеса, работающего на пару со скульптором, и тот изготовил рельеф с одного твоего портрета. Получилось

очень хорошо. Даже Артюр сразу узнал тебя, когда мы на днях навестили твою могилу. Я рассказал Артюру, как мы с тобой впервые встретились на этом кладбище возле могилы Генриха Гейне. «Не будь этого поэта, ты, может быть, и не появился бы на свет», – сказал я ему. Ему это показалось очень смешным.

Итак, завтра я поеду на кладбище Монмартра и отвезу тебе письмо. Прости, что так долго не мог собраться. Теперь начало положено, и второе последует скорее. Ты удивишься, когда узнаешь, что я придумал для нашей односторонней переписки.

До скорого, моя возлюбленная Элен, до следующего письма, пока ты не будешь со мной, как в те майские дни.

Жюльен

Глава 2

Каждому человеку нужно, чтобы было куда пойти

Весенний вид неба вчера меня обманул. Наутро, когда я вышел из метро на станции «Аббес», внезапно обрушился ливень, и всех, кто там фотографировался перед оформленной в стиле бель-эпок⁷ вывеской «Métropolitan», буквально смело оттуда, как пестрое конфетти. С визгом и хохотом все кинулись спасаться и укрылись в одном из близлежащих кафе, где к этому времени собралось уже довольно много посетителей.

Я тоже спрятался от дождя в каком-то подъезде и, когда ливень утих, направился к Cimetière de Montmartre⁸. Моя рука непроизвольно прикоснулась к груди: я проверил, что письмо, спрятанное во внутреннем кармане кожаной куртки, по-прежнему там, на месте.

Как ни странно, я чувствовал себя сегодня бодрее обычного. Мне было приятно сознавать, что обещанное Элен письмо наконец-то написано, хотя, казалось бы, это ничего не меняло. Неужели письмо к ней вызвало какой-то катарсический эффект? Во всяком случае, в эту ночь я не просыпался в четыре часа утра, как это часто случалось в последние месяцы. Я даже возненавидел предрассветные часы за то, что мысли, как злые духи, теснили мне грудь, а тьма разъедала душу.

– Что ты сегодня будешь делать, папа? – спросил за завтраком Артюр, с интересом поднимая на меня глаза и оторвавшись от булочки и чашки с горячим шоколадом, которую держал обеими руками. Раньше он об этом никогда не спрашивал. Может быть, дети действительно наделены особым чутьем на происходящее, как утверждает моя матушка.

Взглянув на его измазанный в какао ротик, я улыбнулся.

– Я пойду сегодня к татап, – сказал я.

– О! Возьмешь меня с собой?

– Нет, не сегодня, Артюр. Тебе же надо идти в детский сад.

– Ну пожалуйста!

– Нет, родной мой, в следующий раз.

Сегодня я иду с особой миссией, и ничто не должно мне помешать.

Отведя Артюра в детский сад, где меня встретили сочувственные взгляды жалостливых воспитательниц – для них я был несчастный отец, у которого рано умерла жена и которому прощалось, если он вечером опаздывал за ребенком, – я сел на поезд двенадцатой линии, и тот довез меня через сеть подземных путей до Монмартра. Кладбище на севере Парижа для меня, обитателя района Сен-Жермен, было отнюдь не ближний свет, что, наверное, и к лучшему: будь расстояние поменьше, я бы, наверное, дневал и ночевал на кладбище. А так поездка через темные туннели в покачивающемся вагоне метро становилась для меня небольшим путешествием в другой мир, полный тишины и зелени.

Здесь, среди ветшающих статуй и глубоко погрузившихся в землю надгробий, покрытых патиной забвения, и свежих цветов, бросающихся в глаза яркостью красок, которым тоже суждено было побледнеть, увядая, время утратило свое значение и Земля замерла в неподвижности.

Я и сам невольно замедлил шаг, миновав входные ворота и очутившись в безлюдных аллеях. В лужах отражались бегущие облака. Пройдя несколько шагов по аллее Гектора Берли-

⁷ От «Belle Époque» – прекрасная эпоха (*фр.*) – принятое во Франции название периода конца XIX – начала XX вв., который завершился с началом Первой мировой войны.

⁸ Кладбище Монмартра (*фр.*).

оза, я кивком поздоровался с кладбищенским садовником: тот шел мне навстречу с граблями через плечо, а затем свернул направо, на авеню Монтебелло, а оттуда на узенькую дорожку, высматривая впереди высокий старый каштан. Скоро он зацветет, разливая вокруг чудесный аромат. Я невольно потрогал нагрудный карман, где все еще лежал каштан, подобранный мною с земли в день похорон: гладкая его скорлупа коснулась ладони утешительно, как маленький якорь надежды.

Я бросил взгляд влево: вдалеке за зелеными кустами и рядами надгробий, сливавшихся в одну сплошную поверхность, должна была находиться могила Гейне. Уж не помню точно, что привело меня тогда на кладбище Монмартра. До этого мне почти не приходилось бывать в 18-м округе, столь притягательном для туристов благодаря базилике Сакре-Кёр, открывающейся внизу панораме Парижа и переплетению улочек, тянущихся вверх и вниз по склону холма. Кажется, это мой друг Александр сказал, что хотя бы раз в жизни непременно нужно побывать на кладбище Монмартра – хотя бы ради могилы Марии Дюплесси, или Альфонсины Плесси, более известной как «дама с камелиями», чью несчастную любовь увековечил в своем романе Александр Дюма.

В тот майский день, который, казалось, был так давно, что с тех пор прошла целая вечность, я не спеша брел по аллее мимо ветшающих склепов, своими колоннами и островерхими крышами напоминающих маленькие домики. Погруженный в размышления, я искал глазами могилу «дамы с камелиями». Но до нее я так и не дошел: по пути что-то привлекло мой взгляд. Это была блеснувшая на солнце кудрявая медно-рыжая головка, подобно вечернему облачку маячившая над могильными плитами. Подойдя ближе, я увидел девушку, одетую в зеленое платье, она остановилась перед бюстом Генриха Гейне и благоговейно склонилась над мраморной плитой с начертанными на ней стихами. Она прижимала к груди портфельчик, а голову немного наклонила к плечу, и я тут же влюбился в ее нежные алые губы и вздернутый носик, усыпанный веснушками. Я тихонько подошел и стал рядом, тоже склонив голову к плечу, и вполголоса прочитал стихи немецкого поэта, который обрел здесь свое последнее пристанище:

Wo wird einst des Wandermüden
Letzte Ruhestätte sein?
Unter Palmen in dem Süden?
Unter Linden an dem Rhein?
Werd ich wo in einer Wüste
Eingeschartt von fremder Hand,
Oder ruh ich an der Küste
Eines Meeres in dem Sand?

Immerhin! Mich wird umgeben
Gottes Himmel dort wie hier,
Und als Totenlampen schweben
Nachts die Sterne über mir⁹.

Девушка обернулась и с любопытством оглядела меня. Она была высокая, почти одного со мной роста.

– Красиво, да? – произнесла она затем.

⁹ Где, странник усталый, найду я Последний приют для костей? Под милыми липами Рейна? Под пальмами южных степей? В глухой ли пустыне я буду Схоронен чужою рукой, В песках ли зыбучих у моря Улягусь на вечный покой? Что нужды? Ведь Божие небо Останется вечно при мне, И звезды, как факелы, будут Гореть надо мной в вышине. (Перевод П. И. Вейнберга)

Я кивнул. Вряд ли то, как я прочитал, прозвучало так уж красиво при моем-то убогом немецком.

– Вы тоже любите стихи Генриха Гейне?

Она произнесла это имя с французским акцентом и так нежно, словно это был любимый родственник: Анри Эн.

– Очень, – сказал я, покривив душой, потому что прежде, можно сказать, совсем не знал его стихов.

– Я очень люблю Генриха Гейне, – заявила она горячо. – Один из последних лириков романтизма. – Она улыбнулась. – Я пишу диссертацию о Гейне и романтической иронии.

– О, как интересно!

– Ему, бедному, досталась нелегкая судьба. Он был болен и жил изгнанником. Поневоле обратись к иронии. Надо же как-то защищаться, верно? А он тем не менее писал такие прекрасные стихи!

Она задумчиво посмотрела на мраморный бюст, изображавший человека с довольно мизантропическим выражением лица.

– Я рада, что он тут обрел место последнего упокоения, а не под немецкими липами: там его все равно не понимали. А тут он хотя бы рядом с Матильдой. Это была его последняя воля – чтобы его похоронили на кладбище Монмартра. Вы об этом слышали?

Я покачал головой:

– Нет, но могу его понять. Я бы тоже согласился быть здесь похороненным, когда умру. Это очень уютное местечко.

– Да, – сказала она задумчиво, – я бы тоже хотела, чтобы меня здесь похоронили, когда я умру. Я люблю это кладбище.

Где-то защебетала птичка. Свет просачивался сквозь деревья, на дорожке, где мы с ней стояли, заплясали солнечные зайчики.

– Но в такой прекрасный день незачем думать о смерти, – сказал я и решил пойти на приступ. – Не хотите выпить со мной чашечку кофе? Мне было бы очень интересно узнать побольше о вашем друге Генрихе Гейне и о романтической иронии.

– Так-так... И, как я догадываюсь, заодно и обо мне, да? – ответила она, бросив на меня лукавый взгляд.

Она сразу разгадала мой маневр. Я улыбнулся, понимая, что моя хитрость раскрыта:

– Главное, о вас.

Так я познакомился с Элен. На кладбище. Мы охотно рассказывали об этом как о забавном случае. Но в тот майский день, когда мы грелись на солнце, вытянув ноги и всячески дурачась, я и подумать не мог, что всего через несколько лет действительно буду приходить сюда на ее могилу.

Дойдя до могилы Элен, я обнаружил, что промочил ноги. Погруженный в воспоминания, я нечаянно наступил в лужу, где плавало несколько окурков.

Перед узким светлым надгробием с бронзовым рельефом в виде ангельской головки, которая была изображена в профиль и имела черты Элен, лежал букет незабудок. Кто мог их принести?

Я огляделся по сторонам, но не увидел никого поблизости. Я выдернул несколько листьев каштана, застрявших в зелени плюща, которым была покрыта могила, и с тоской окинул взглядом мраморный памятник, на котором золотыми буквами были выгравированы имя Элен и даты ее рождения и смерти, а под ними четыре строчки, которые всегда будут напоминать мне о нашей первой встрече:

Милая,
Ах, вернись,
Чтобы со мною быть,
Как в те майские дни.

Когда-нибудь мы снова будем вместе. Я не назвал бы себя особенно верующим человеком, но всей душой на это надеялся. Может быть, мы будем летать с ней, как два облака, или, как два дерева, сплетемся под землей корнями в вечном объятии. Кто знает? Никто еще не возвращался из царства мертвых, чтобы поведать нам о том, что происходит с человеком после того, как жизнь в нем угаснет; так что человеческий разум становится перед этим в тупик и дальше начинается сплошная неизвестность, надежда и умозрительные представления, которые указывают либо в ничто, либо оставляют нам веру в то, что за пределами земной жизни что-то есть, что-то еще может быть.

– Элен, – сказал я шепотом. – Знать бы, как ты там!

Я нежно провел ладонью по ангельскому лику и ощутил комок в горле.

– Видишь, я сдержал обещание. А теперь смотри внимательно.

Я вынул письмо из куртки, еще раз на всякий случай огляделся и только после этого опустил на колени и нащупал позади памятника, в самом низу, то место, куда надо было нажать, чтобы сработал секретный механизм и открылась дверца встроенного там тайничка. В тайничке должно было хватить места для тридцати трех писем, которые останутся в нем на вечное хранение. Каменная дверца щелкнула и открылась, и, быстро положив внутрь свой конверт, я снова ее захлопнул.

Никто, кроме моего прекрасного ангела, устремившего вдаль отрешенный взгляд, и каменотеса, который выполнил мой заказ и которого я вряд ли еще когда-нибудь в жизни встречу, не узнает о маленькой сокровищнице, приготовленной мной для писем к Элен. Я очень гордился своей придумкой, теперь я мог складывать свои письма в секретный почтовый ящик, а главное, нашел для них такое место, которое существовало в реальной действительности.

Каждому человеку нужно такое место, куда он может прийти, чтобы навестить милого умершего, подумалось мне. И еще я подумал, что люди, наверное, потому и устраивают кладбища. Разумеется, можно держать на столе фотографию и перед ней ставить свечку, но это все же совсем другое, это не место, куда можно прийти и где покоится родной человек.

Тут я вздрогнул, услышав шорох в кустах. Обернувшись, я пристально оглядел кладбище. Из-за одного ветхого надгробия выскочила рыжая полосатая кошка, бросившаяся догонять листок, раньше положенного сорванный ветром с дерева. Я облегченно рассмеялся. Я никому не рассказывал о странном пожелании Элен, даже мой друг Александр ничего не знал про эти письма.

Когда я чуть позже покидал кладбище и шел, глядя себе под ноги, то чуть не столкнулся с белокурой женщиной: она неожиданно вышла мне навстречу с одной из боковых дорожек. Это была Катрин.

– Надо же – Катрин! Ты-то что тут делаешь?

– Полагаю, то же, что и ты, – смущенно ответила она. – Ходила на могилу.

– Ну да... Я тоже, – согласился я с очевидным.

Мы оба чувствовали себя неловко и не находили что сказать. Случайная встреча на кладбище – это вам все-таки не то же самое, что встреча в кафе или в подъезде дома. Возможно, дело в том, что каждый предпочитает побыть со своим горем наедине.

– Очень красивое получилось надгробие, – сказала она наконец. – В особенности ангел. Я кивнул:

– Да. – И чтобы еще что-то сказать, спросил: – Это ты принесла незабудки?

На это кивнула она:

– Там еще лежали старые цветы, но они уже сильно подвяли. Я их выбросила. Надеюсь, что это ничего. Этот дождик...

Она снова пожала плечами, как бы извиняясь.

– Конечно же ничего, – сказал я, великодушно улыбнувшись.

Мне не хотелось выглядеть так, словно я претендую на монопольное право в отношении могилы Элен. В конце концов, каждый может постоять у могилы, для этого и созданы кладбища. Мертвые даже посторонним людям не могут запретить подходить к их могилам и класть на них цветы или фотографировать, а Катрин была подругой Элен.

– Ты как сюда – на метро? Поехали вместе домой? Или зайдем куда-нибудь выпить чашечку кофе? У меня сегодня с утра нет уроков. – Она убрала с лица выбившуюся прядь и опять грустно взглянула на меня затуманенным взором.

– В другой раз с удовольствием. Сегодня у меня назначена встреча. С Александром, – поторопился я извиниться; мне даже не пришлось врать.

– Ну ладно тогда, – сказала она и, помедлив в нерешительности, спросила: – Ну а как ты-то сам? Более или менее ничего?

– Более или менее, – сказал я, не вдаваясь в подробности.

– Ты знаешь, что всегда можешь оставить у меня Артюра. Он очень любит играть с Зази. – Затем она улыбнулась. – Мы могли бы как-нибудь вечером вместе поужинать, я приготовила бы что-нибудь вкусненькое. Я понимаю, что у тебя сейчас тяжелое время. Мы все...

Ее миндалевидные глаза заблестели, и я испугался, что она вот-вот расплачется.

– Я знаю. Спасибо, Катрин. А теперь мне пора. Ну, пока...

И я удрал, махнув ей тем неопределенным жестом, который с одинаковым успехом мог означать все или ничего. Конечно, это был невежливый поступок, но я без лишних церемоний оставил ее одну среди улицы и, чувствуя спиной разочарованный взгляд, которым она меня проводила, скрылся, нырнув в многолюдные толпы, запрудившие узенькие улочки, ведущие на площадь Аббес.

Глава 3

Не годится мужчине одинокая жизнь

– Ой, парень, парень, на кого ты похож! Прямо совсем доходяга! Ты хоть иногда вспоминаешь поесть или держишься на одних сигаретах?

Я покачал головой:

– За что я люблю тебя, Александр, так это за то, что ты всегда умеешь поднять человеку настроение!

Я украдкой бросил взгляд в венецианское зеркало, висевшее слева от входа в лавку. Вид у меня действительно был довольно-таки запущенный: густые волнистые волосы давно требовалось подстричь, под глазами – темные круги.

– А ведь еще с утра мне казалось, что этот день выдался более или менее ничего, – вздохнул я, пригладив волосы.

В последнее время я привык делить дни на хорошие, более или менее ничего и совсем паршивые. Причем хороших практически не выпадало.

– Да что ты? Вот уж ни за что не подумал бы.

Александр держал в руках кольцо-печатку из красного золота; посмотрев его на свет, он удовлетворенно кивнул, уложил его в темно-синий бархатный мешочек и только тогда обратил на меня строгий взгляд:

– Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь надеваешь что-то другое или так и ходишь все время в этом сером свитере?

– Чем тебе не нравится мой свитер? Это же кашемир!

– Да. Но ты что – дал зарок носить его не снимая? Буду, дескать, ходить в этом свитере до самого Страшного суда? – Он усмехнулся, высоко подняв брови. – Я давно не вижу на тебе ничего другого.

– Чувь собачья! Ты же не видишь меня каждый день.

Я зашел к Александру в его лавку на улице Гренель. Едва очутившись здесь, я сразу почувствовал, что на душе стало лучше – как всегда, когда я встречал Александра. Дело в том, что Александр был единственным человеком в моем окружении, который вел себя со мной нормально. Он не делал скидки на мои «обстоятельства», и хоть его бесчувственность и раздражала меня иногда, но я прекрасно понимал, что эта грубоватость наигранная.

Из всех, кого я знаю, Александр Бонди обладает самой большой эмпатией. В душе он художник, полный безумных идей, и большой мастер своего дела. Александр – мой друг и, если понадобится, ничего для меня не пожалеет. Раньше мы с ним каждую зиму отправлялись кататься на лыжах в Вербье или Валь-д'Изер и веселились вдвоем напропалую. Мы выдавали себя за братьев, уродившихся непохожими: он – черноволосый с карими глазами, я – русский с голубыми, и называли друг друга Жюль и Джим¹⁰. Я, разумеется, был Жюль, а он – Джим. Только, в отличие от героев фильма, мы, к счастью, не влюбились в одну и ту же девушку. На мое тридцатилетие Александр подарил мне часы, на задней крышке которых было выгравировано «Жюль». Гравировку он выполнил собственноручно.

Александр – ювелир, один из самых креативных и дорогих в Париже. Его небольшой магазинчик называется «L'espace des rêveurs» – «Мир мечтателей», и, по-моему, ни одна женщина не может оставаться равнодушной к его изысканным изделиям ручной работы, украшенным то мелкими драгоценными камнями, переливающимися нежными весенними красками, то крупными блестящими черными жемчужинами южных морей – довольно редкими,

¹⁰ «Жюль и Джим» – фильм Франсуа Трюффо (1962).

судя по цене. Круглые или прямоугольные подвески матового чеканного золота или серебра с выгравированными на них цитатами из Рильке или Превера; мерцающие остроконечные сердечки из розового кварца, агата или аквамарина, вставленные в золотую крестовидную оправу, а в центре украшенные рубином величиной с булавочную головку, – такой любви к деталям, как у Александра, я больше не встречал. Раз в квартал он перекрашивает стены своей лавки в новый цвет – то темно-серый, то зеленый, как липовый лист, то в цвет бычьей крови; а по стенам у него развешаны молочно-белые керамические плитки ручной работы, на которых черной краской написаны одно-два слова: например, «Цветочная пыльца», или «Chagrin d'Amour» («Любовная тоска»), или «Королевство», или «Toi et moi» («Ты и я»).

Человек, придумывающий и создающий своими руками такие чарующие вещи, непременно должен обладать тонкой интуицией, и, я думаю, Александр, как никто другой, понимал, что творилось в моей душе в эти дни, но он терпеть не мог банальностей и потому не приставал ко мне с ходячими фразами, вроде того что «время все залечит» и «все пройдет».

В том-то и беда, что ничего не проходило. Никакие утешения на меня не действовали. По крайней мере, пока. А уж если когда-нибудь этому все-таки суждено случиться, то я, наверно, и сам почувствую без чужой подсказки.

– Я только что с кладбища, – сказал я.

– Прекрасно. Значит, проголодался. На свежем воздухе всегда появляется аппетит.

Он бережно спрятал бархатный мешочек в расположенный у дальней стены сейф, закрыл тяжелую дверь и набрал кодовую комбинацию.

Я кивнул и, к собственному удивлению, почувствовал, что и впрямь проголодался. Круасана, который я рассеянно съел за утренним кофе, хватило ненадолго.

– Сейчас я тут быстренько кое-что приберу, и пойдем. Габриэль будет здесь с минуты на минуту.

Он скрылся в дальнем помещении, и я услышал, как он там гремит инструментами. В отличие от меня, Александр – большой аккуратист. У него все вещи находятся на своих местах. Беспорядок причиняет ему прямо-таки физическую боль. Я отошел к входной двери. Закурил сигарету и стал смотреть, когда появится Габриэль.

Габриэль – стройное бледное создание с собранными в узел волосами. Она всегда одета в черно-белые свободные платья. Тайная повелительница «Мира мечтателей» («L'espace des rêveurs»), Габриэль от руки выписывала темно-синими чернилами чеки на листах кремовой бумаги ручного изготовления. Она с неподражаемым шармом носила и продавала, не будучи продавщицей, создаваемые Александром украшения. Она была его музой и, подозреваю, тайной властительницей его сердца. Я не знал в точности об их отношениях, но, судя по всему, они замечательно подходили друг другу: оба не от мира сего и оба наделены обостренным чувством стиля.

Видя, что Габриэль не торопится приходить, я затоптал сигарету, вернулся в магазин и начал разглядывать украшения, выставленные в освещенных витринах на фоне небесно-голубых стен. Одно кольцо особенно привлекло мое внимание. Его массивный ободок состоял из многократно переплетенных между собой тончайших золотых нитей. Такое украшение было достойно средневековой королевы. Ничего подобного я еще не видел. Очевидно, это была новая модель.

– Ну что? Нравится тебе мое плетеное колечко? – с гордостью спросил Александр, поправляя черные очки. – Мое новейшее произведение. По желанию можно, конечно, получить вариант, украшенный вделанными бриллиантами и рубинами.

– Настоящий шедевр! – выразил я свое восхищение. – Как будто соткано прекрасной дочерью мельника из сказки. – И со вздохом добавил: – Жаль, что мне уже некому дарить такие вещи.

– Действительно жаль, – согласился он, не церемонясь. – Зато сэкономишь кучу денег, так как эту безделушку не получишь за бесценок, как золото прекрасной мельничихи.

– Очень утешительная мысль!

– А что я тебе говорю! Давай пойдем поедим! Мне уже надоело ждать.

Мы уже собирались выходить, как в лавку впорхнула в своем черном вороньем наряде Габриэль. Переступив через порог, она сдержанно поздоровалась и привычно расположилась за прилавком. Вскоре мы с Александром уже сидели за стойкой его любимого ресторатора на улице де Бургонь, где в это время дня полно народа, и угощались курицей в красном винном соусе с отварным цикорием. На бутылочку мерло я согласился без всяких уговоров. Мы беседовали о том о сем, избегая только упоминать об Элен, и, по мере того как внутри у меня разливалось тепло от выпитого вина, ко мне на время вернулось «нормальное» ощущение жизни. Я слушал рассказы Александра, отщипывал кусочки хлеба от свежего багета и с наслаждением макал их в остро наперченный соус.

Еда была простая и сытная.

Александр вытер рот салфеткой:

– Ну а как подвигается книжка?

– Никак, – честно ответил я.

Он неодобрительно поцокал языком и покачал головой:

– Пора бы тебе встряхнуться и взяться за дело, Жюльен!

– Не могу. Я так несчастен, – заявил я.

Я допил свой бокал и ощутил, как на меня накатила жалость к самому себе.

– Ну ладно! Только не разревись, – сказал Александр, но посмотрел на меня встревоженно. – Большинство великих писателей лучше всего писали, как раз когда были очень несчастны. Возьми, к примеру, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда или Уильяма Батлера Йейтса, или Бодлера! Большое несчастье иногда дает такой творческий толчок, что только держись.

– Только не в моем случае, пойми это, наконец! Мой издатель хочет от меня очень смешной роман – ко-ме-дию, видите ли!

Я уставился на свой бокал, но тот, к сожалению, был уже пуст.

– Ну и что? Все хорошие клоуны – на самом деле люди совсем не веселые.

– Может быть, и так. Но я же не в цирке работаю, где выливают себе на голову ведро воды или падают, поскользнувшись на банановой кожуре. То, чем я занимаюсь, все-таки немножко посложнее.

– То есть не занимаешься, а отлыниваешь. – Александр подозвал стоявшего за стойкой богатырского вида официанта и заказал два эспрессо. – Ну а дальше что?

– Не имею понятия. Может, вообще надо бросить писательство.

– И чем же ты тогда будешь зарабатывать?

– Чем-нибудь таким, что не требует богатого словарного запаса, – ответил я цинично. – Почему бы, например, не стать продавцом мороженого? Куплю себе мороженицу и тележку, и пожалуйста – ванильное, шоколадное, земляничное...

– Блестящая идея! Печальный мороженщик с бульвара Сен-Мишель. Так и вижу эту картину. Люди будут толпами стекаться, чтобы полюбоваться твоей мрачной физиономией.

Богатырь-официант огромными ручищами поставил перед нами две крохотные чашечки из толстого фарфора и рядом со стуком опустил сахарницу.

– А что мне делать? Ну нет у меня вдохновения!

– Хочешь знать мое мнение? – сказал Александр, размешивая в чашечке сахар.

– Нет, не хочу.

– Тебе просто не хватает женщины.

– Правильно. Мне не хватает Элен.

– Но Элен умерла.

– Представь себе, мне это тоже известно.

– Не надо сразу обижаться.

Он успокаивающе положил руку мне на плечо. Я стяхнул ее:

– Довольно, Александр! Не говори пошлостей.

– При чем тут пошлости? Я – твой друг. И я сказал, что тебе не хватает женщины. Не годится мужчине одинокая жизнь. Это просто вредно.

– Но я же не выбирал, о'кей? Я был очень счастлив.

– В том-то и дело. Ты был счастлив. А теперь – нет. О чем тут спорить?

Я опустил голову и закрыл лицо ладонями:

– Я ни с чем не спорю. И что теперь?

– Теперь... пора об этом подумать, потому что время идет, оно не стоит на месте.

– Послушал бы ты себя со стороны! – отозвался я глухим голосом. – Это же прямо поведь.

– Я всего лишь хочу сказать, что тебе надо бывать среди людей. Тебе тридцать пять лет, Жюльен, а ты уже полгода живешь затворником. – Он легонько тряхнул меня за плечо, и я убрал от лица ладони. – В субботу после Пасхи я устраиваю весеннюю выставку и хочу, чтобы ты на нее пришел. Может быть, ты найдешь там свое пропавшее вдохновение, кто знает? Выйдешь в свет, это пойдет тебе на пользу.

Он одним глотком выпил свой эспрессо и вдруг весело усмехнулся, посмотрев на меня:

– Ты что, не знал, что грустные молодые вдовцы очень высоко котируются у дам? Женщины ведь одержимы синдромом спасения погибающих!

– Меня это не интересует.

– То же самое относится, разумеется, и к *старым* вдовцам, но только при условии, что они очень богаты. Наверное, тебе все-таки лучше по-прежнему писать бестселлеры, а идею насчет мороженщика отложить на следующую жизнь.

– Ладно, хватит тебе, Александр!

– *Bon*¹¹, умолкаю, да и пора уже возвращаться в лавку. – Тут он взглянул на свои часы, точную копию моих. – Только обещай мне, что придешь!

– Обещаю, хотя и неохотно.

– Это ничего. Невозможно же всегда делать только то, что тебе хочется.

Александр положил на стойку несколько банкнот, и мы вышли на улицу и распрощались.

До Пасхи оставалось две недели, а моя матушка собиралась уехать с Артюром на две недели к морю. Так что, если захочется, я вполне смогу прийти на выставку Александра. Не исключено, что праздничная атмосфера действительно наведет меня на другие мысли: как-никак это будет заметным событием в моей монотонной и безрадостной жизни, в который все дни сливались в одно неразличимое целое, подчиняясь однообразному ритму сна и бодрствования, приема пищи, утреннего похода с Артюром в детский сад и второго похода, чтобы забрать его оттуда.

Я действительно решил пойти на эту весеннюю выставку. Я даже записал дату, семнадцатое апреля, в свой деловой календарь, хотя меня немного пугала мысль о том, что там я могу встретить кого-нибудь из знакомых. Я никогда не отличался выдающимися способностями вести светские беседы.

И если в конце концов случилось так, что я все-таки туда не пошел, то случилось это по другой причине, которая повергла меня в крайнее замешательство.

¹¹ Хорошо (*фр.*).

Глава 4

Артюр и рыцари круглого стола

Милая моя, нежно любимая,

сегодня ночью Артюр явился вдруг ко мне в спальню, как маленькое привидение. Он горько плакал, в одной руке он волочил за собой Брюно, старого плюшевого медвежонка. Перепугавшись, я второпях включил на тумбочке лампу и вскочил. С тех пор как я сплю один, сон у меня очень чуткий. Я уже не сплю как сурок, которым ты дразнила меня, одним движением раздвигая занавески, чтобы впустить в спальню солнце.

Тогда я опустился на корточки рядом с нашим малышом, обнял его: «Что с тобой, воробышек? Животик болит?» Он покачал головой и всхлипывал не переставая. Я подхватил его на руки и отнес вместе с медвежонком в нашу кровать. Я гладил его ладонью по заплаканному личику, называя всеми ласковыми именами, какие мне только приходили в голову. Но он долго не мог успокоиться. «Нет,пусти меня, пусть придет мама, я хочу, чтобы мама пришла!» – зарыдал он снова и забрыкался, сбрасывая ножками одеяло.

Я ощутил полную беспомощность. Я готов был исполнить любое его желание, но то, чего он требовал, было для меня невыполнимо.

«Воробышек, наша мама на небе, ты же сам знаешь, – тихо сказал я, отчаявшись его успокоить. – Пока нам придется как-то уж потерпеть без нее. Но мы все-таки с тобой вдвоем, значит каждый из нас не совсем одинок, да? А в воскресенье мы возьмем с собой татие и пойдем в „Jardin des plantes“¹² смотреть зверей».

Рыдания на секунду стихли, затем начались снова.

Я нежно утешал его, бормоча что-то, как священник над просфорой. Наконец он сквозь слезы и всхлипы рассказал мне, что видел страшный сон. Ему действительно приснился настоящий кошмар, Элен. Это показало мне, что Артюр, наш веселый, живой и такой развитой сыночек, так легко, казалось бы, приспособившийся к ситуации, что, к моему стыду, даже сам пытается утешить и развеселить своего унылого отца, на самом деле не так легко, как я думал, справляется с тем, что его мамы не стало. Может быть, дети и правда легче, чем взрослые, привыкают к изменившимся обстоятельствам. А что им еще остается делать? Слушая, как просто он разговаривает о тебе с ребятами из детского сада и вообще рассуждает о таких вещах, о которых мы, взрослые, стараемся не упоминать, мне всегда вспоминается тот старый фильм Рене Клемана «Jeux interdits»¹³, который мы с тобой как-то смотрели вместе в старом кинотеатрике на Монмартре. Тебе тогда так понравилась музыка к этому фильму, что ты купила мне компакт-диск с записью испанского гитариста Нарсисо Йепеса и слушала его снова и снова. Фильм произвел на нас такое сильное впечатление, что мы, взявшись за руки, молча просидели в зале все конечные титры. Мне кажется, мы вышли из зала самыми последними. Маленькая Полетт и ее друг Мишель,

¹² «Сад растений» (фр.) – название ботанического сада в Париже.

¹³ «Запрещенные игры» (фр.) – фильм Рене Клемана 1952 г.

видя смерть и ужасы войны, так по-детски это переживают, создавая в играх собственный мир со своим особым устройством. Они воруют кресты с кладбища и даже из церкви, чтобы похоронить на секретном кладбище сначала щенка Полетт, а затем всех остальных животных. Я и раньше считал, что дети – удивительные существа. Сколько ясности и фантазии в их восприятии мира! Как они устраиваются в действительной жизни, каким-то образом умудряясь извлечь из него самое лучшее! Хотелось бы знать, в какой момент мы утрачиваем это доверчивое отношение к жизни?

Во сне, который приснился Артюру, действие тоже происходило на кладбище. У меня и сейчас мороз по коже, лишь только это вспомню. Он рассказывал, что будто бы очутился совсем один на кладбище Монмартра. Сначала мы шли по дорожке вместе, а потом он загляделся на что-то и сам не заметил, как вдруг я куда-то исчез. Ну, он тогда стал искать твою могилу в надежде, что найдет меня там. Часы шли, а он все блуждал по кладбищу, совсем заблудился, обливаясь слезами и спотыкаясь, бегал по аллеям и дорожкам. И наконец нашел, забрел на твою могилу. Перед мраморным памятником с изображением ангела стоял какой-то мужчина в кожаной куртке, Артюр обрадовался и крикнул: «Папа, папа!»

Но мужчина обернулся, и оказалось, что это незнакомец.

– Кого ты ищешь? – приветливо спросил он.

– Я ищу папочку!

– Как зовут твоего папу?

– Жюльен. Жюльен Азуле.

– Жюльен Азуле? – переспросил незнакомец. И указал рукой на памятник. – Жюльен Азуле лежит тут, но он давно уже умер.

И тут оказалось, что на памятнике написано не только твое, но и мое имя, а еще имена татие, Катрин и даже ее кошки Зази. И тогда Артюр вдруг понял, что все умерли и он остался один на свете.

– Мне же еще только четыре годика, – выговорил он в паническом ужасе, рыдая. – Мне же еще только четыре! – Глядя на меня широко раскрытыми глазками, он горестно поднял вверх ручику, выставив четыре пальчика. – Я же не могу совсем один.

У меня прямо перевернулось все внутри.

– Артюр, родной мой, это же был только сон. Нехороший сон, но это же все неправда. Ты не останешься один, я же с тобой. Я всегда с тобой, ты слышишь? Я никогда тебя не покину, честное слово, поверь мне.

Я взял его на руки, стал потихоньку укачивать и успокаивал, как только мог, пока его всхлипывания постепенно не затихли.

Мне и самому сделалось нехорошо на душе от этого сна, и страхи Артюра, и его детское отчаяние глубоко пронзили мне сердце. Я успокоил нашего мальчика как мог, во мне громко заговорила совесть, и я твердо решил впредь больше уделять внимания Артюру. Читать ему вслух, смотреть вместе с ним фильмы, угощаться вместе с ним вафлями в Тюильри и пускать в большом бассейне кораблики. Я буду ездить с ним за город и гулять по берегам маленьких речек. Летом мы устроим пикник в Булонском лесу, полежим на одеяле под каким-нибудь тенистым деревом, глядя на облака. На день рождения, когда ему исполнится пять лет, я даже поеду с ним в этот кошмарный Диснейленд, которым он все время бредит, и разрешу ему позвать с собой кого-нибудь из друзей, мы покатаемся с ветерком на

американских горках и наедемся до отвала картофельных чипсов и сахарной ваты. Я постараюсь поменьше думать о себе, и стану более внимательным отцом, и даже попытаюсь писать – хотя бы для начала по страничке в день.

– Папа, можно я сегодня буду спать у тебя? – спросил он под конец.

И я сказал:

– Конечно можно, воробышек мой родной, кровать большая, места хватит.

– А можно оставить свет?

– Ладно, оставим.

Через несколько минут он уснул. Он крепко держал меня за руку, а другой рукой сжимал мишку.

Знаешь, Элен, а ведь когда ты покидала нас, отправляясь в далекое путешествие, он, прижимая к себе плюшевого мишку, неуверенно спросил меня, не дать ли его тебе с собой в дорогу.

Это была бы слишком большая жертва.

– Потрясающая идея, Артюр! – сказал я. – Но мне кажется, мама не так уж любит плюшевых мишек. Я думаю, пусть он лучше останется у тебя.

Он с облегчением кивнул.

– Да, верно, – сказал он и, немножко подумав, добавил: – Но тогда я дам ей с собой красного рыцаря... и мой деревянный меч.

И вот так его любимый рыцарь и деревянный меч, которых он после долгих размышлений выбрал себе в чудесном магазине «Si tu veuix»¹⁴ галереи Вивьен, оказались у тебя в гробу, моя дорогая. Уж не знаю, пригодились ли они тебе там, где ты сейчас находишься. Артюр считает, что такой меч всегда пригодится.

Сегодня ночью я при свете ночника долго глядел на его нежное личико с темными ресницами. Он же такой еще маленький, совсем птенчик, и я поклялся себе, что буду всеми силами защищать его ранимую душу. Я так жаждал оградить его от всего страшного. Я глядел на это спящее дитя, за которое я готов отдать все, даже саму жизнь, и думал, что не за горами то время, когда сын вырастет, начнет с приятелями озорничать, приносить из школы пятерки¹⁵ по математике (если в нем начнут проявляться мои гены), слушать оглушительную музыку у себя в комнате, куда у меня уже не будет свободного доступа, отправится с друзьями на свой первый концерт, проболтается с ними всю ночь до рассвета, а там и первые любовные страдания, от которых он напьется и, рыдая, порвет на мелкие клочки фотографию какой-нибудь хорошенькой девочки.

Он будет совершать ошибки и очень правильные поступки, он будет грустить и радоваться от невообразимого счастья, и я, сколько возможно, все это время проведу рядом с моим чудесным мальчуганом, наблюдая, как он растет и взрослеет, становясь самим собой в наилучшем из возможных вариантов.

А в один прекрасный день он перерастет меня.

Я поцеловал Артюра и на короткий миг испытал потрясение при мысли, по какому тонкому льду мы ступаем, привязавшись всем сердцем к живому существу.

¹⁴ «Если ты пожелаешь» (фр.).

¹⁵ Во Франции принята двадцатибалльная система оценок.

Как же мы бренны! Во все наши дни и часы.

Я вспоминаю, как мы выбирали для него имя. Он тогда существовал еще только туманным облачком на ультразвуковом снимке в твоей руке.

– Артюр? Не слишком ли величавое имя для такого крохотного существа? – спросил я тогда; это имя напоминало о рыцарях Круглого стола. – Может как-то попроче: Ив, Жиль или Лоран?

Ты рассмеялась:

– Ах, Жюльен! Не всегда же ему быть таким маленьким! Еще дорастет до своего имени, вот увидишь. Мне нравится «Артюр» – старинное имя и красивое на слух.

На том и порешили – Артюр. Артюр Азуле. Знать бы, как сложится жизнь нашего маленького рыцаря Круглого стола. Поживем – увидим. Как жаль, Элен, что ты уже не увидишь, как твой сын дорастет до своего имени. Разве не о том мы мечтали, не так ли? Но вдруг все-таки, все-таки ты увидишь это своими прекрасными, навеки закрывшимися глазами!

Я так на это надеюсь! Я буду очень его беречь, обещаю тебе!

К утру мир снова пришел в порядок. Артюр проснулся веселый и завтракал с аппетитом. Дурного сна как будто и не было. Дети быстро забывают. Вот только спать он хочет теперь всегда в «маминой кровати». «Тогда и ты будешь не один», – сказал он. А главное, наша кровать такая уютная, гораздо лучше детской.

Затем мы отправились в путь. Артюр, в голубых резиновых сапожках с белыми точечками, бежал вприпрыжку: он вспомнил, что сегодня у детского сада намечен поход на представление кукольного театра в парке Бют-Шомон. Ты же знаешь, как он обожает кукольный театр!

А я встал совсем разбитый. Я поспал в эту ночь часа три от силы. Может быть, попозже еще прилягу. По счастью, никаких неотложных обязательств у меня нет. Единственное – это пойти на обед к татие, куда я приглашен. Она звала очень настойчиво. Там будет и ее сварливая сестра Кароль, она придет со своим впадающим в слабоумие мужем. Так что и мне предстоит что-то вроде театрального представления. Разыгрывающиеся между ними сцены бывают весьма абсурдны и чрезвычайно занимательны.

Ну и что? Полноценный домашний обед и прогулка до дома на улице Варен пойдут мне только на пользу.

Иногда мне кажется, что все было бы намного проще, если бы у меня была нормальная работа с девяти до пяти и я утром отправлялся на службу, а вечером возвращался домой. Дни проходили бы быстрее, и я был бы занят делом. А так я должен сам строить свое расписание, а это не всегда просто. Хорошо хоть, что по утрам надо водить Артюра в детский сад. Иначе кто знает, в которм часу я вставал бы.

Часто я тоскую о том, как мы раньше всегда пили кофе в постели, прежде чем будить Артюра, а тебе отправляться в школу. Тогда я не умел по-настоящему ценить, как ты с двумя большими чашками возвращалась из кухни и снова залезала рядом со мной под одеяло, зато сейчас мне так не хватает этих пятнадцати минут мира и спокойствия перед началом нового дня.

Да и не только этих!

С тех пор как ты ушла, Элен, ранние утренние часы стали для меня любимым временем суток. Эти драгоценные короткие минуты, перед тем как проснуться.

Зарывшись щекой в подушку, еще не до конца проснувшись, я прислушиваюсь к приглушенным звукам, долетающим с улицы. Вот проехала машина. Вот зачирикала птичка. Хлопнула дверь внизу.

Бормоча: «Элен», я пытаюсь нащупать твою руку, открываю глаза.

И тут на меня снова обрушивается действительность.

Тебя нет, и все разладилось.

Я тоскую по тебе, топ атоир!¹⁶ Как же мне перестать тосковать по тебе?

Я буду любить тебя и тосковать, пока мы не будем вместе, как в те майские дни.

Шлю тебе привет от сердца к сердцу.

Жюльен

¹⁶ Любовь моя (фр.).

Глава 5

Confi de canard¹⁷

Мои родители были счастливы в браке. Моя мама была, наверное, самой красивой девушкой в спокойном местечке План-д'Оргон на юге Франции. Она выросла в сельской гостинице в окружении кур, лугов и постояльцев, которые проводили там отпуск или путешествовали, чтобы полюбоваться деревнями и городками Прованса, окруженными лавандовыми полями Ле-Бо-де-Прованс и его величественным замком, живописной деревенькой Руссийон, освещенной закатным солнцем среди охристых и рыжих скал, Арлем, с его знаменитой ареной и оживленными еженедельными базарами, где продаются зеленые артишоки, черные маслины и рулоны тканей всех цветов, или посмотреть Фонтен-де-Воклюз, где можно прогуляться по берегу прозрачной бирюзовой горной реки.

Если бы мой отец не остановился однажды в этой гостинице и не влюбился бы без памяти, заглянув в прекрасные глаза девушки в светлом платье с цветочками, которая, словно светлое видение, проворно порхала по залу, подавая гостям кофе, круассаны, соленое масло, козий сыр, порции сельского паштета и лавандовый мед, та, наверное, прожила бы там всю жизнь и со временем стала бы хозяйкой гостиницы, сменив на этом посту своих родителей. А так Клеманс уехала в Париж с Филиппом Азуле – молодым начинающим дипломатом. Он был старше Клеманс на пятнадцать лет, с ним она в первые годы много попутешествовала по свету, пока Филипп не получил должность в Министерстве иностранных дел на набережной Орсе. Тогда они поселились на улице Варен, где у них вскоре родился мальчик – то есть я. В то время моей матушке было уже тридцать четыре, поэтому я оказался единственным ребенком, о котором родители так мечтали.

Несмотря на годы, проведенные в большом городе, матушка сохранила здоровый аппетит. Она – завзятая и умелаястряпуха. Любовь к природе также осталась в ней навсегда, и, хотя в Париже не встретишь лавандовых полей и лугового разнотравья с дикими маками и маргаритками, она любит гулять в саду Тюильри и Булонском лесу, потому что ее тянет туда, «где много зелени». Это ей успокаивает душу, говорила она мне.

Раньше она по выходным часто выезжала за город навестить свою старшую сестру Кароль – женщину добрую, но заядлую спорщицу. Однако с тех пор, как у той заболел муж и, чтобы быть поближе к врачам, им пришлось переехать в город, сестры постоянно ссорились. Во-первых, из-за того, что выживший из ума Поль явно все путал и принимал мою матушку за свою жену, а ревнивой Кароль это давало повод для самых фантастических умозаключений, а во-вторых, из-за того, что старшая сестра завидовала младшей: будто бы той все в жизни давалось легко и даже после смерти моего отца она осталась хорошо обеспеченной. Особенно наш дом в Нормандии был ей как бельмо в глазу.

Несколько лет назад мой отец умер от запущенного воспаления легких. Он так ослабел за время болезни, что не мог даже подняться с кровати. Матери он оставил в наследство квартиру на улице Варен и этот загородный домик в Онфлёре, где мы всегда проводили отпуск.

Это было время, когда лето длилось бесконечно, – по крайней мере, так мне казалось тогда. Оно пахло пиниями и розмарином, и я любил этот особенный запах. Я ощущал его, когда, продираясь сквозь заросли колючих кустов и приземистых деревьев, сбегал по откосу на пляж, под треск сухих веток, которые попадались под ногами.

Это был запах моего детства, такого же легкого и светлого, как те безвозвратные летние дни. Серебристый блеск Атлантического океана, рыбный суп вечером в гавани, возвращение

¹⁷ Утиное конфи (*фр.*) – особым способом зажаренная утка.

домой по проселочным дорогам на машине, за рулем которой сидел папа, их негромкие разговоры с мамой, пока я дремал на заднем сиденье нашего старенького «рено», прислонившись головой к стеклу и ощущая абсолютную защищенность.

Я как сейчас помню поздние завтраки на тенистой террасе с обветшалыми балками, оплетенными глицинией, мама – босая, в белой батистовой рубашке, на которую наброшена шаль. Папа – всегда прилично одетый, в голубой рубашке в полоску, летних брюках, на ногах – мягкие замшевые туфли. Думаю, ему и в голову никогда не пришло бы шлепать по городку в сандалиях и коротких штанах – этой уже привычной униформе туристов, которую сейчас видишь на каждом шагу; в его глазах такая одежда выглядела слишком неэлегантно. Он также никогда не завтракал в кровати. Даже когда его жена Клеманс подавала ему чашку кофе со сливками в постель, поскольку сама обожала выпить первую утреннюю чашечку кофе, сидя в кровати.

Можно сказать, что мои родители во многих отношениях были очень разными людьми. Но при этом они очень любили друг друга. Секрет их брака в значительной степени заключался в исключительной терпимости, чувстве юмора и душевной широте. Будь моя воля, я пожелал бы для них, чтобы они, как Филемон и Бавкида¹⁸, дожили до глубокой старости и покинули этот мир вместе, превратившись в два дерева, неразлучно сплетенные корнями. К сожалению, жизнь не всегда соответствует нашим желаниям.

В тот день, когда мой отец уже не мог встать, чтобы сесть за стол одетым, он умер. Он был человек благородного воспитания.

Когда я вошел в квартиру на улице Варен, из кухни уже тянуло аппетитным запахом жаркого.

– Мм, как вкусно пахнет! – сказал я.

– Я приготовила утиное конфи, ты же так любишь это блюдо, – радостно объявила мама, целуя меня. – Заходи, заходи!

Не знаю никого, кто еще так радостно приветствовал бы гостей, как мама. Она вся сияет от счастья, встречая тебя у порога и впуская в дом, и ты чувствуешь себя необыкновенно желанным гостем.

Мама сняла передник и, небрежно кинув его на спинку стула, провела меня в гостиную, где уже пылал зажженный камин и ждал накрытый на четверых стол.

– Садись, Жюльен, у нас еще есть несколько минут до прихода Кароль и Поля.

Мы сели на зеленый бархатный диван в эркере, мама дала мне бокал игристого кремана и протянула тарелочку с только что поджаренными гренками, намазанными толстым слоем паштета.

– Что-то ты опять похудел, – сказала она, окинув меня озабоченным взглядом.

– Ах, тамап, ты каждый раз так говоришь. Если бы это было так, от меня бы уже давно ничего не осталось, – возразил я на ее опасения. – Я совершенно нормально питаюсь.

Она только улыбнулась.

– Как Артюр? – спросила она. – Он рад, что на каникулы мы поедем в Онфлёр?

– Еще бы! – Я отхлебнул немного из бокала и ощутил холодные пузырьки кремана. – Он только и говорит о том, как на каникулах поедет на море. Он же там еще никогда не был.

– А ты? Может, присоединишься к нам хотя бы на пару деньков? Подышать свежим воздухом тебе не вредно.

Я покачал головой:

– Нет-нет. Я попытаюсь писать. Надо же когда-то доделать эту дурацкую книжку.

¹⁸ Персонажи античной мифологии, супруги, чье желание умереть одновременно было исполнено Зевсом, превратившим их в дуб и липу.

Виновато улыбнувшись, я пожал плечами: мол, что поделаешь! Мамап кивнула и тактично воздержалась от дальнейших расспросов.

– Но в воскресенье ты все-таки пойдешь с нами в «Jardin des plantes»? – продолжила она гнуть свою линию.

– Да, конечно.

– Чем ты хоть занимаешься сейчас, как проводишь время?

– Чем занимаюсь... Я... Да так – чем обычно, – ответил я неопределенно. – Артюром. Всякое там по дому. Вчера приходила Луиза убираться, так что я пошел на кладбище, потом обедал с Александром. Он приглашает меня на свою весеннюю выставку.

Я потянулся к бокалу и заметил, что рука у меня дрожит. Действительно, надо бы подумать о здоровом образе жизни.

– У тебя дрожат руки, – заметила мамап.

– Да, сегодня я мало спал. Артюру приснился кошмар. Но сегодня с ним уже все в порядке, – поторопился я успокоить ее.

– А с тобой? Как ты себя чувствуешь? Пришел немного в себя?

Она посмотрела на меня, и я понял, что перед ней бесполезно притворяться. Кого угодно можно обмануть, только не собственную мать.

– Ах, мамап, – вздохнул я.

– Ах, детка... – Она пожала мне руку. – Ничего. Все как-нибудь уляжется. Дай время. Ты же еще так молод. И ты когда-нибудь снова научишься улыбаться. Нельзя же всю жизнь горевать.

– Гм...

– Ты знаешь, как хорошо я относилась к Элен. Но когда я вижу тебя таким несчастным, то невольно желаю отмотать время назад, к той жизни, когда ты мог радоваться. И тогда я думаю, что где-то ведь ходит по земле девушка, которая влюбится в моего сыночка.

Она улынулась. Я понимал, что она желает мне только добра.

– Может быть, поговорим о чем-то другом, мамап?

– Хорошо. На той неделе я поеду в «Оксфам», чтобы передать туда вещи. Как ты посмотришь на то, чтобы нам вместе разобрать твои шкафы?

Она сказала «твои шкафы», имея в виду, конечно, шкаф, где хранились вещи Элен.

– Это я и сам могу сделать.

Я никому не позволю рыться в платьях Элен.

– Но один ты никогда этого не сделаешь, Жюльен.

– С какой стати я должен отдавать куда-то ее вещи? Они и дома никому не мешают.

– Жюльен... – Она посмотрела на меня со строгим выражением. – Я тоже пережила смерть мужа и очень горевала, ты знаешь. Но уверяю тебя, трястись над воспоминаниями – дело неблагоприятное. Воспоминания пробуждают сантименты, а тот, кто предается сантиментам, не может думать о будущем, он живет прошлым. Тебе будет лучше, если ты отдашь эти платья, и вдобавок они послужат доброму делу. Ты же не хочешь превращать свою квартиру в мавзолей, как сумасшедший месье Бенуа?

Я тяжело вздохнул, понимая в душе, что она права.

Жена месье Бенуа погибла от несчастного случая, когда я еще учился в школе. Она переходила через бульвар Распай, не оглядываясь на машины: как всякая истинная парижанка, она считала ниже своего достоинства переходить через дорогу по сигналу светофора или по зебре, – она просто побежала через дорогу, уверенная, что машины притормозят, и попала под колеса.

Жан, сын месье Бенуа, был моим одноклассником, после школы мы иногда отправлялись к нему домой, потому что его отец возвращался с работы поздно и мы могли там хозяйничать как хотели. Я помню, как меня поразило, что в спальне родителей, расположенной на первом

этаже и выходявшей окнами в сад, где мы впервые попробовали свою первую сигарету, ничего нельзя было трогать. Туалетный столик матери вообще берегли как святыню. На нем все оставалось, как в день, когда случилась авария: ее щетки для волос и гребенки, сережки и жемчужное ожерелье, флакон с дорогими, тяжелыми духами «L'heure bleu»¹⁹, два так и не использованных билета в театр – все лежало, как было при ней. На ночном столике ждала последняя книга, которую она читала при жизни, перед ее кроватью аккуратно стояли тапочки, на двери висел на крючке шелковый халат. А за складными дверцами светлого гардероба наверняка по-прежнему висели все платья покойницы.

Годами все стояло нетронутым. Так требовал месье Бенуа. Я хорошо помню, как на меня пахло тогда чем-то потусторонним и как я рассказал маме про этот дом, где как будто живут привидения, и про месье Бенуа, что он, наверное, сошел с ума.

Неужели и я уже на пути к тому, чтобы стать записным вдовцом, вечно оплакивающим свою потерю, как этот чудаковатый хранитель мавзолея, над которым все сочувственно посмеивались.

– Ну ладно, – согласился я. – Давай уж покончим с этим одним разом.

Звонок в дверь прервал нашу беседу. Мама вышла в прихожую открывать. Как только появились Кароль и ее муж, в квартире стало шумно. Моя тетушка подняла такой гвалт, что тут даже мертвые бы проснулись. Я усмехнулся, услышав из прихожей ее громогласные жалобы на дурную погоду и грубость парижских таксистов.

Вскоре мы уже сидели за столом, угощаясь аппетитным утиным конфи с брусничным соусом, к которому мама подала легкое красное бургундское.

Полю угощение, видимо, тоже пришлось по вкусу. Старик, одетый в синий шерстяной свитер, склоняясь над тарелкой, тщательно разрезал нежное мясо и кусочек за кусочком отправлял себе в рот. Прежде чем выйти на пенсию, мой дядюшка был профессором философии; в назидание нам и трем своим детям он любил цитировать Декарта, Паскаля и Деррида, в то время как его супруга, женщина более практического склада, работала в налоговой службе и следила за порядком в домашних финансах.

Было тяжело смотреть, как этот человек отточенного ума, чья жизнь была посвящена изучению философских трудов, а главным девизом были знаменитые слова Декарта «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю – следовательно, я существую»), последние несколько лет страдал старческим слабоумием.

Кароль, надо отдать ей должное, всегда поддерживала своего мужа, все глубже погружавшегося в деменцию. Благодаря энергичной помощи добродушной сиделки из Гваделупы супруги смогли остаться в районе Бастилии, где еще несколько лет назад они успели ухватить более или менее недорогую и достаточно просторную квартиру, прежде чем арендная плата там резко подскочила. Но проблема заключалась в том, что Кароль всегда очень ревновала своего мужа, который был видным мужчиной. И ее совсем не устраивало, что Поль был явно равнодушен к хорошенькой сиделке и постоянно с ней любезничал и смеялся.

Еще хуже было то, что Поль, которому все больше отказывала память, с некоторых пор стал, кажется, видеть в моей матушке свою законную супругу, а это очень раздражало тетушку и вызывало у нее нехорошие подозрения. Поль и раньше питал слабость к свояченице, из-за чего между сестрами в последнее время стали возникать конфликты, в разгар которых Кароль бросала сестре обвинение, что Клеманс якобы крутила с Полем роман. Мама решительно отвергала такое обвинение, высказываясь при этом в том смысле, что теперь, похоже, и Кароль тоже окончательно спятила. Частенько телефонные разговоры сестер заканчивались тем, что

¹⁹ «Сумерки» (*фр.*) – название духов фирмы «Герлен».

одна из них, не выдержав, бросала трубку. После таких объяснений мама принималась звонить мне и жаловаться на сварливую сестру, которая, как и пристало обиженной Суаде²⁰

²⁰ По-видимому, подразумевается автор романа «Сожженная заживо» (2003), скрывшийся за псевдонимом Суад (Souad).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.